

НАСЛЕДИЕ ХАКАССКОГО УЧЕНОГО, ТЮРКОЛОГА,
ДОКТОРА СРАВНИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ, ВОСТОКОВЕДА
НИКОЛАЯ ФЕДОРОВИЧА КАТАНОВА

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЕНОГО

ТОМ 1

УДК 94(47)

ББК 72.3г(2) Катанов Н. Ф.

Н 31

Печатается по решению Ученого совета
Хакасского научно-исследовательского института
языка, литературы и истории
(протокол № 2 от 26 марта 2012 г.)

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, профессор *В. Н. Тугужекова* (ответственный редактор);

канд. ист. наук *Н. А. Данькина*

д-р филол. наук, профессор *А. Л. Кошелева*

канд. филол. наук *А. С. Кызласов*

канд. филол. наук *Н. С. Майнагашева*

канд. филол. наук *Р. Д. Сунчугашев*

канд. филол. наук *И. М. Тараканова*

канд. ист. наук *В. К. Чертыков*

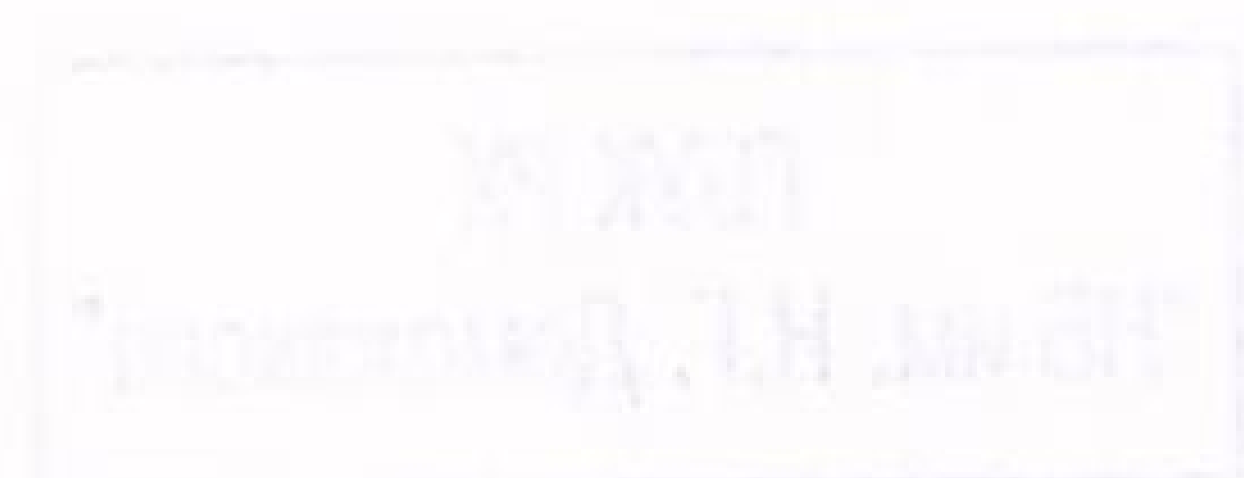
аспирант ХГУ им. Н. Ф. Катанова *Н. В. Воронина*

Н 31 **Наследие хакасского ученого, тюрколога, доктора сравнительного языкознания, востоковеда Николая Федоровича Катанова: материалы Международной научной конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения учёного. 16–19 мая 2012 г. Том I.** – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2012. – 146 с.

ISBN 978-5-7091-0543-0

УДК 94(47)

ББК 72.3г(2) Катанов Н.Ф.

© ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории», 2012

© Министерство образования и науки РХ, 2012

© ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство», 2012

номическая зависимость жены и детей от мужа – главы семьи; неприемлемость в общественном сознании развода и нетипичных форм семейно-брачных отношений и т. д.

Патриархально-авторитарный характер семьи проявляется в ритуалах, предшествующих свадьбе, свадебных традициях, обычаях, связан-

ных с прекращением брака, рождением ребенка, смертью одного из супругов, похищением невесты, возрастом вступления в брак (для женщин и мужчин), решением о прелюбодеянии, определенных нормах поведения для женщин, основанных на запретах, в частности, обычай избегания невесты и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Доможаков, Н. Г. Николай Федорович Катанов (Жизнь и деятельность). – Абакан, 1957. – С. 13.
2. Венгеров, С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (историко-литературный сборник). – Т. VI. – СПб, 1897–1904. – С. 132–133.
3. Бутанаев, В. Я. Роль и значение Н. Ф. Катанова в изучении этнографии тюрков Саяно-Алтая // Материалы научно-практической конференции «Возвращение наследия Н. Ф. Катанова на родину»: сборник статей / под. ред. В. Н. Тугужековой, Н. А. Данькиной – М., 2003. – С. 33.
4. Кокова, И. Ф. Н. Ф. Катанов: документально-публицистическое эссе. – Абакан, 1993. – С. 7–8.
5. Катанов, Н. Ф. Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. – Ч. IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым. – СПб, 1907. – С. 389.
6. Катанов, Н. Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии. – Казань, Типо-Литография Императорского Казанского университета, 1897. – С. 78.
7. Там же. – С. 78.
8. Там же. – С. 78.
9. Там же. – С. 46.
10. Там же. – С. 57.
11. Там же. – С. 64.
12. Там же. – С. 71.
13. Катанов, Н. Ф. Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым, тексты собраны и переведены Н. Ф. Катановым. – Ч. IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. – СПб, 1907. – С. 236–237.

А. А. ЧЕРТЫКОВА

И. М. ШТЫГАСHEВ И Н. Ф. КАТАНОВ – СОВРЕМЕННОКИ-ПРОСВЕТИТЕЛИ

В эпоху глобализации, которая воспринимается многими как угроза для национальных традиций, обычаев, верований и ценностей, на первый план выдвигается идея сохранения культурного многообразия. Сегодня наблюдается процесс обострённого понимания каждого народа своей истории и культуры как абсолютной ценности, своего образа жизни как неотъемлемого права. В силу этого встаёт вопрос о рассмотрении этнокультурного наследия как ценности в современном обществе, позволяющей сохранять, интерпретировать и демонстрировать не только разнообразные памятники материальной, но и многие явления духовной культуры народов. В рамках этого направления осуществлена данная работа.

В статье типологически анализируются отдельные факты, этапы жизненного и общественного пути двух современников, последователей миссионерской педагогики в вопросах просвещения инородцев. Интересны наблюдения в общности формирования мировоззренческих взглядов личностей, в единстве школы духовных лидеров, рассмотрение миссионерства как общественной педагогической деятельности, сближающих И. М. Штыгашева (1861–1915) и Н. Ф. Катанова (1862–1922). В то же время очевидны индивидуальность, самобытность, прозорливость в вопросах образования каждого мыслителя-просветителя в условиях второй половины XIX – начала XX в.

Рассматриваемый период интересен тем, что из малочисленных коренных народов выдвигаются первые интеллигенты, отличившиеся не только творческой одаренностью, но и общественной деятельностью, мировоззрение их сформировывалось на стыке языческого и христианского религиозных начал.

И. М. Штыгашев (1861–1915) и Н. Ф. Катанов (1862–1922) – люди одной эпохи, одного времени, одного поколения. Это представители первой национальной интеллигенции, прошедшие нелёгкий жизненный путь к просвещению, посвятившие себя служению коренному народу подвижнической научно-педагогической деятельностью, принципиально стоявшие вне политики, забытые и возвращённые – один в 90-е гг., другой в 60-е гг. XX в. Исследования жизненного пути двух инородцев (дореволюционное наименование нерусских народностей) не обнаруживают пока фактов личного знакомства (кроме того, что И. М. Штыгашев был близко знаком со старшим братом Н. Ф. Катанова – священником Николаем Катановым), но сколько удивительно сходных аналогий, этапов жизненного пути, мировоззренческих взглядов, пересечений с одними и теми же духовными наставниками имели они! Один за другим, познав сиротство, испытывали нужду и несправедливости. Потеряв отца-кормильца, позже и мать, Николай Катанов остаётся на попечении дяди-учителя, письмоводителя Аскизской степной думы. «...в 1874–1876 гг. днём учился, а вечером помогал дяде, где и познакомился достаточно с русской каллиграфией»¹, – вспоминал он. Ивана Штыгашева привлёк к изучению азбуки, русского говора его старший брат Сампсон, получивший с братом Иосифом начальное образование ещё при жизни отца в ближайшей миссионерской школе. Тяга к знаниям заставила подростков самостоятельно отправиться в далёкое путешествие (поистине хакасские Ломоносовы!). В августе 1876 г. 14-летний Николай Катанов отплыл на лодке по Абакану и Енисею в Красноярск учиться в классическую гимназию, а Иван Штыгашев, отправившись в миссионерское училище села Кузедеево за триста вёрст от родного Матура, напишет: «Я поступил в школу в 1877 г., 15 августа, 16 лет от роду...»²

Годы учёбы инородцев, независимо от различных уровней, статусов, направленностей образовательных учреждений, сходны особым усердием, скрупулёзностью и значительными постижениями знаний, приобретением творческих и исследовательских навыков. Познакомившись с учителем гимназии по истории и географии А. К. Завадским-Краснопольским, молодой гимназист Катанов приобщился к записям сагайских текстов и описанием обычаев своего народа. Затем, изучив труды учёных В. В. Радлова, М. А. Кастрена, Н. А. Кострова, Катанов дополнил свои записи и опубликовал их впоследствии в разных изданиях. Будучи гимназистом, он проявил глубокий интерес к языку, обычаям и традициям, верованиям своего племени. Его учитель А. К. Завадский-Краснопольский убедил способного юношу заниматься изучением сагайских текстов и этнографией. Катанов проявил интерес к фольклору, аналитической работе в языкознании. В период учёбы в красноярской гимназии, с 1878 по 1884 г., он собрал и записал пословицы, поговорки, загадки, мудрые мысли своих сородичей. В 1883 г. была опубликована его первая научная работа «Описание шаманского бубна и костюма сагайского племени» в книге Г. Н. Потанина «Очерки Северо-Западной Монголии». Сильное влияние на него произвело знакомство с алтайским миссионером и видным тюркологом В. И. Вербицким. Его миссионерская деятельность была основана на научной школе Н. И. Ильминского. В XIX столетии Российская империя имела в своём составе более 100 народностей, представляя собой многонациональное, поликонфессиональное общество. Особенности этнокультурной неустроенности России формировались на протяжении нескольких столетий. Постепенное присоединение азиатских территорий обусловило пёструю картину этнических культур, языков, исторических судеб народов, имеющие различные вероисповедания: православие, мусульманство, буддизм, шаманизм и др. У части народов отсутствовала собственная письменность, в том числе у «минусинских татар» и других кочевых и полукочевых народностей Сибири. Сибирские народности, не имея развитой промышленности и экономики, ведя преимущественно кочевой образ жизни, в деле

образования и просвещения были вынуждены пользоваться письменностью, предложенной учителями духовных школ ведомства Св. Синода. В целом, отношение к инородцам со стороны официальных властей в большей степени диктовалась экономическими интересами, и в меньшей – интересами развития культуры, образования. Однако передовые слои научной, общественной интеллигенции осознавали необходимость введения всеобщего начального образования на всей территории страны и подготовки учителей для начальных, средних школ. В целях решения проблемы просвещения инородцев в национальных регионах была создана система миссионерских школ³.

Так, успешно проучившись 1 год в подобной начальной школе с. Кузедеева, И. Штыгашев был направлен для продолжения учёбы в центральное миссионерское училище в Улалу (ныне Горно-Алтайск). Начальник училища архимандрит Макарий горячо приветствовал скорое освоение учеником богословских знаний и русского языка. И уже через год он доверил ему преподавание азбуки в училище ученикам первого курса. В 1882 г. воспитанник миссионеров вновь сопровождал о. Владимира и Макария в инспекционной поездке по Алтаю и Шории. Вербицкий собирался сделать юношу своим миссионерским помощником. По окончании поездки способного ученика направили учиться в Казанскую учительскую семинарию. Директор семинарии Н. И. Ильминский, из переписки с Макарием, знал об одарённом юноше и просил его направить учиться в семинарию. Три с половиной года И. Штыгашев упорно и старательно овладевал здесь знаниями. Казанская учительская семинария считалась одной из лучших в России. Наряду с богословскими дисциплинами, семинаристы изучали славянский язык, древнюю и новую русскую литературу, русский язык, русскую и всеобщую историю, логику, педагогику, физику, арифметику, черчение, основы космографии. Казанский период стал особенно плодотворным в переводческой и творческой деятельности И. Штыгашева. Уже в первый год обучения Ильминский поручил ему начать перевод из священной истории Ветхого Завета с алтайского языка на сагайское наречие (хакасский язык), в сле-

дующем году – перевод из священной истории с алтайского языка на шорский. Все переводы, как и переведённый им на шорский язык текст «Указания пути в царство небесное», были опубликованы в Казани. Он помогал Ильминскому во втором, третьем выпусках Житий святых на алтайском языке, самостоятельно подготовил четвёртый. Кроме того, завершил работу по составлению шорского букваря, к созданию которого приступил ещё до поступления в семинарию. В 1884 г. как лучший семинарист был поощрён поездкой по святым местам России. О посещении Киевско-Печёрской лавры, Оптиной пустыни, храмов Москвы, Троицко-Сергиевской лавры, монастырей и скитов Иван Штыгашев рассказал в своей повести «Записки о путешествии алтайца в Киев, Москву и её окрестности»⁴. В «Записках....» художественно-выразительным, образным языком юноша повествует об увлекательном путешествии с аналитической оценкой увиденного. Иеромонах Иолий, заметив исключительные способности в лёгкости пера семинариста, предложил активно продолжать заниматься творчеством. И вскоре была создана следующая работа – «Поступление в училище...» в жанре очерковых записок⁵. Современные литературоведы Алтая, Шории и Хакасии, изучая эти и другие произведения автора, позволили причислить И. Штыгашева к числу первых самобытных писателей и считать его основоположником письменной национальной литературы дореволюционной поры.

В апреле 1885 г. И. Штыгашев оканчивает семинарию, получает свидетельство «учителя начальной школы» и выезжает в Бийск к Макарию, назначенному в 1884 г. епископом Алтайской духовной миссии. Тот, в свою очередь, направляет Штыгашева учительствовать в Матур. Епископ Макарий – автор первого алтайского букваря, опубликованного в Петербурге (1866). Иван (Иоанн) Штыгашев перевёл его на шорский диалект, он был издан в Казани в 1885 г. Позже «отец Николай Катанов, священник Усть-Есинской церкви, получив букварь от И. Штыгашева, перевёл его на сагайский диалект. С помощью букваря обучение грамоте детей инородцев пошло более успешно»⁶.

Практически в тот же период, а точнее в 1884 г., Николай Катанов окончил Красноярскую гимназию с золотой медалью. Это был единственный случай за всю историю существования гимназии, когда ученик из инородцев получил высшую награду.

Мы видим, что значительная веха жизненного пути, открывающая молодым людям дальнейшие перспективы, успешно преодолена. Общность двух современников-земляков в полилингвизме: они в равной степени хорошо владели и писали на русском и тюркских языках. Общность — в огромном желании распространения просвещения, повышения социальной культуры соплеменников, любовь к родной земле, коренному народу. Один тяготел к практической педагогике и творческой работе, другой — к научно-педагогической деятельности, продолжив обучение в Петербургском университете на факультете восточных языков (1884–1888).

Уже в гимназии Николай Катанов бесповоротно выбрал свой дальнейший жизненный путь: востоковедение. Ещё задолго до окончания гимназического курса он готовился к поступлению в высшее учебное заведение, откладывая из своего скудного заработка деньги на далёкую дорогу «в Россию», как тогда называли европейскую часть страны. Вначале Катанов намеревался совершенствоваться в изучении восточных языков в Казани. Здесь, очевидно, сказалось влияние известного тюрколога и миссионера директора Казанской учительской семинарии Н. И. Ильминского, с которым юноша переписывался с 1881 г. Однако в Казани такого факультета не оказалось, он был только в Петербурге.

И Катанов успешно поступил в университет, выхлопотав стипендию в 100 рублей. Как поступивший с золотой медалью был освобождён от оплаты лекций, чему он несказанно обрадовался, имея наискромнейшие доходы. Студенты восточного факультета по разряду арабско-персидско-турско-татарской словесности должны были получить глубокие знания в области тюркских языков, изучить литературу тюркских народов, каллиграфию. От них требовалось основательное знакомство с арабским и персидским языками, умение переводить без затруднения исторические арабские тексты и читать Коран, граммати-

ческие и юридические, а также поэтические произведения арабских авторов, труды персидских историков и классическую поэзию. Учебным планом предусматривалось также изучение русской словесности, русской истории, истории Востока и мусульманского права. Но Катанову и этого было мало. Казалось, не было границ его жажде знаний, стремление отдать себя науке. Одновременно с занятиями в университете он изучает фонетику тюркских языков на дому у В. В. Радлова и получает дополнительные углублённые сведения. Будучи знаком с идеями миссионеров, сблизился с активными «ильминовцами».

Формирование личностей И. Штыгашева как миссионера и Н. Катанова как учёного происходило при непосредственном участии в их судьбах разных людей, но знакомство и влияние выдающихся миссионеров и видных тюркологов типа В. И. Вербицкого, научной школы Н. И. Ильминского, основателя авторской системы обучения инородцев, очевидны. Известны факты того, что «с 1881 по 1888 год как сам Н. Катанов, так и его брат, священник-миссионер, состояли в переписке с Николаем Ивановичем Ильминским. Под руководством последнего, по просьбе Преосвященного Исаакия... они перевели на сагайско-татарское наречие начальные молитвы, символ Веры и десять заповедей»⁷. Миссионерство как общественно-педагогическое движение овладевало молодыми людьми, представителями коренных народностей. Катанов осмысливал вопросы инородческого образования и принимал их всё ближе. Впоследствии, являясь преподавателем Казанского университета и одновременно Казанской духовной академии, Катанов непосредственно вращался в инородческой среде. Обладая большим запасом необходимых знаний, он не мог оставаться в стороне от их проблем. В условиях пренебрежительного отношения к нерусским народам Сибири со стороны властей, чему он был свидетелем во время своих научных экспедиций, Николай Фёдорович всеми силами старался помочь соплеменникам своим бескорыстным трудом. В сложных социально-экономических обстоятельствах того времени миссионерская педагогика оставляла надежду на просвещение инородцев, на избавление трудящегося народа

от нищеты и безграмотности, от других социальных бедствий.

Похоже, к такому же мнению на уровне своего самобытного мышления приходил и И. Штыгашев, поняв и приняв идеи «Ильминовского» миссионерства и выбрав свой путь – всеми силами совершенствовать национальную начальную школу у себя на родине. Причём обучение строил с опорой на родной язык с постепенным переходом на русский язык. Маленькая школа была далеко не приспособлена к занятиям, особенно в холодное время года. Поэтому остро вставал вопрос строительства новой школы. Летом 1885 г. была открыта новая школа, число учеников возросло до 50 и более. В 1887 г. Матур посетил отец Макарий, ставший епископом Томским и Алтайским. В сопровождении епископа Енисейского и Красноярского Тихона он встретился с прихожанами церкви Таштыпа, Аскиза и Усть-Еси. В поездке по Хакасии Макария сопровождал И. Штыгашев и священник Усть-Есинской церкви Николай Катанов-старший. В 1888 г. в Матуре была построена небольшая церковь. В следующем году Макарий возвёл Штыгашева в сан дьякона, затем священника и командировал в Богоявленскую церковь Кондомского прихода. Здесь плодотворная миссионерская деятельность отца Иоанна продолжалась 5 лет. Он рассказал о ней в «Записках Кондомского миссионерского священника И. Штыгашева за 1894 год» (Томские епархиальные ведомости. 1985, № 10) и в «Записках миссионера Кондомского отделения Алтайской миссии священника Иоанна Штыгашева за 1895 год» (Там же. 1896, № 9). В первой публикации он, в частности, сообщил, что, находясь в улусе Торгачаковском, «решил задержаться несколько дней для сбора сведений, требуемых Западно-Сибирским отделом Императорского Русского Географического Общества»⁸. В каталоге Минусинского Мартыановского музея под номером 12475 значится: И. Штыгашев и его труд «Предания инородцев Кузнецкого округа о сотворении мира и человека». Вероятно, это и есть материалы для Западно-Сибирского отдела ИРГО. Текст работы в библиотеке не обнаружен, однако содержание публикации историку А. Н. Гладышевскому удалось извлечь из статьи М. Чельцова «Религиозные верования алтайских инородцев

Кузнецкого уезда Томской губернии» (Православный вестник. 1907, № 10). Позже факт публикации большой статьи И. Штыгашева «Предания инородцев Кузнецкого округа о сотворении мира и первого человека» подтвердился в Записках З-С. отдела ИРГО. Кн. XVII, вып. 1, Омск, 1884, с. 12. К сожалению, в книге «Из духовного наследия алтайских миссионеров» (1998), где приводится список печатных трудов Иоанна, данная работа не значится.

Минусинский музей, связь с его директором Н. М. Мартыановым – это ещё одна из точек пересечения областей интересов И. Штыгашева и Н. Катанова как собирателей местного фольклора, других этнографических материалов. Не обнаружено достоверных фактов личного знакомства директора музея и миссионера, это можно предполагать по исследуемым материалам. Но то, что Н. М. Мартыанов был дружен с Н. Катановым, затем и со всей его семьёй, подтверждают эпистолярные источники. Ещё второкурсником Петербургского университета Катанов имел переписку с ним по вопросам сбора фольклорного и исторического материалов инородцев. В одном из писем он пишет: «В перспективе лежит учёная карьера... Я изучаю наши былины и составляю библиографию сведений о наших инородцах. Оказывается, что писано об них очень много, но все эти сведения разбросаны по книгам, газетам и журналам. Теперь я занят приведением в известность этих сведений и уже довёл почти до половины»⁹. Не исключено, что среди приводимых в систему обобщаемых публикаций были и труды Штыгашева, т. к. это был активный период его творческих и исследовательских изданий. Кроме того, интересен факт сотрудничества с Императорским Русским Географическим Обществом (ИРГО) в этот период наших исследователей-земляков.

Как видим, диапазон интересов миссионера-просветителя и будущего учёного сходен: педагогика, язык, фольклор, история и этнография тюркских народностей. Оба были вне политики. К примеру, когда перед Катановым, имевшего более прогрессивные убеждения, ещё в период учёбы со всей остротой встал вопрос: политика или наука – он выбрал науку. Он выбрал то, где, по его убеждению, мог бы принести сво-

ему народу максимум пользы. Подобные мысли вынашивал и Штыгашев. Здесь корни той истовости двух инородцев, какую проявляли они в любом деле, за которую брались. Именно по максимуму требовали они от себя в общественной, научной и организационной деятельности до самых последних дней. В этом их сходство.

В 1888 г. Катанов с отличием окончил Петербургский университет со степенью кандидата. Вскоре его отправляют в научное путешествие в Сибирь и Восточный Туркестан. В своём первом отчёте АН и ИРГО он сообщает интересные сведения: «...записал несколько пословиц на койбальском наречии и предание о каменной старухе (Куртуяк-Тас), находящийся в 8 верстах от с. Усть-Есь, по дороге в Аскыс. Старик-сагаец сообщил, что эта старуха жила со своим мужем на правом берегу р. Абакан; осердившись на него, переплыла через Абакан и окаменела около Усть-Еси». Письма в ИРГО шли один за другим и в каждой – точный отчёт о проделанном. «На р. Чагол за две недели записал родовые названия, обычаи сойотов (свадебные, погребальные), узнал кое-что о религии буддистов, шаманских верованиях...», – сообщает он в апреле 1889 года¹⁰. А 16 сентября 1889 г. извещает об окончании путешествия по Урянхайской (Тувинской) земле: «Собрана мною масса песен, загадок, сказок, поверий и шаманских молитв». В архиве Санкт-Петербургского института этнологии и антропологии РАН хранится рукописный дневник путешествия «Очерки Урянхайской земли», «исполненный в 1889 году по поручению Императорской Академии Наук и Императорского Русского Географического Общества и Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете Н. Ф. Катановым». Это 211 страниц текста, написанного убористой каллиграфией, и множество искусно выполненных рисунков. Здесь и национальные шапки, и всевозможная хозяйственная утварь, и женские украшения, и орнаменты вышивок. А в фондах институтского музея – множество уникальных экспонатов, свидетельствующих о высочайшей культуре урянхайцев и доставленных сюда нашим путешественником из той первой экспедиции¹¹.

И. М. Штыгашеву также довелось совершить путешествие в Урянхайский край, но позже, с

миссионерской целью. Повествование Иоанна Штыгашева «Поездка Матурского священника в Урянхайский край в 1913 году» было помещено как приложение к отчёту Алтайской духовной миссии за 1914 г. Это целое исследование, охватившее широкий круг социального, культурно-просветительского, экономического анализа и этнографического материала. Это был его последний, значительный по объёму труд. Длительная суровая поездка в полтора месяца подорвала здоровье О. Иоанна, и 13 ноября 1915 г. его не стало. Он похоронен около церкви в родном Матуре (куда он вернулся на службу в 1905 г.).

Каково же отношение к миссионерству в пору мировоззренческой зрелости у Н. Ф. Катанова? По мнению исследователя К. И. Султанбаевой¹², где-то в 1905–1912 гг. Катанов постепенно отходит от миссионерства в узкой (практическом отношении) его трактовке, углубляясь в научно-исследовательскую деятельность востоковедения. Он органично объединял в единую систему преподавание востоковедческих дисциплин студентам университета с научными экспедициями, редакторской и общественной работой, он совершенствовал собственный научно-педагогический стиль. Положительное влияние миссионеров на просвещение инородцев им только одобрялось, а в конкретной помощи начинающим учителям, исследователям видел свою «полезность».

Руководя научным Обществом археологии, истории и этнографии при Казанском университете с 1898 по 1914 г., Н. Ф. Катанов систематизировал сведения о восточных языках, народностях, их культуре, истории, религии, традициях. Проводя огромную организационную и редакторскую работу, он успевал продвигать малоизвестных, начинающих представителей «местного края», помогая им в печатании статей на страницах «Известий» Общества или давая рекомендации авторитетным лицам. С 1907 г. Н. Ф. Катанов стал членом Временного комитета по делам печати г. Казани, выполняя неблагодарную, напряжённую работу в качестве цензора-переводчика как единственный универсальный специалист турецко-татарских наречий и восточных языков. Отсюда его осведомленность во всех делах народного просвещения, развития культуры, татарской литературы и печати. Одно-

временно выполняя множество общественных поручений, связанных с профессиональной деятельностью, Николай Фёдорович был в курсе практически всех событий: общественных, политических, просвещенческих и т. д.

Таким образом, сказанное выше позволяет резюмировать следующее.

Изучение биографических сведений позволяет выявить особенности сходных этапов и аналогий жизни, общих наставников, имевших большое значение в формировании мировоззренческих духовно-культурных взглядов и творческих интересов молодых людей. Всё это позволяет рассматривать их как современников своей эпохи и первых интеллигентов дореволюционной поры.

И. М. Штыгашев на протяжении всей своей педагогической деятельности и Н. Ф. Катанов на начальном её этапе были последователями миссионерской педагогики в вопросе просвещения инородцев. Миссионерская педагогика, официально поддерживаемая властями, представляла достаточно стройную систему и основывалась на передовых идейных положениях, несмотря на христианскую нацеленность.

В дооктябрьский период публиковались не только научные труды Н. Ильминского, Н. Ядринцева, Г. Потанина, В. Вербицкого и др., но и первые опыты молодых исследователей-инородцев, развивается переводческая деятельность, имевшая место в трудах И. М. Штыгашева и Н. Ф. Катанова (переводы азбуки, религиозных текстов).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кокова, И. Ф. Н. Ф. Катанов: документально-публицистическое эссе. – Абакан, 1993. – С. 8.
2. Штыгашев, И. М. Поступление в училище и продолжение учения шорца (алтайца) Ивана Матвеевича Штыгашева / вступ. ст. Г. П. Самаева. – Горно-Алтайск, 1998. – С. 118.
3. Султанбаева, К. И. Педагогическая система Николая Фёдоровича Катанова. – Казань, 2006. – С. 11.
4. Штыгашев, И. М. Путешествие алтайца в Киев, Москву и её окрестности // Памятное завещание: алтайская дореволюционная проза; под ред. Б. Я. Бедюрова. – Горно-Алтайск, 1990. – С. 179–215.
5. Штыгашев, И. М. Поступление в училище и продолжение учения шорца (алтайца) Ивана Матвеевича Штыгашева. – Горно-Алтайск, 1998. – С. 118.
6. Чертыкова, А. А. Хакасско-алтайские литературные связи в системе взаимодействия литератур народов РФ (история взаимосвязей). – Абакан, 2011. – С. 40.
7. Султанбаева, К. И. – Указ. соч. – С. 18.
8. Штыгашев, И. М. Поездка Матурского священника в Урянхайский край в 1913 году / вступ. ст. А. Н. Гладышевского. – Абакан, 2006. – С. 16.
9. Кокова, И. Ф. – Указ. соч. – С. 22.
10. Дело Императорского РГО «О поездке члена-сотрудника Н. Ф. Катанова в Монголию для этнографических исследований», начато 11 сентября 1888 года.
11. Кокова, И. Ф. – Указ. соч. – С. 25.
12. Султанбаева, К. И. – Указ. соч. – С. 21.

Г. М. ШАПОШНИКОВ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ХАКАСОВ В ТРУДАХ Н. Ф. КАТАНОВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

В 1893 г. в Санкт-Петербурге в IV выпуске журнала «Живая старина» вышла статья члена-сотрудника Императорского Русского Географического Общества Н. Ф. Катанова. В ней Н. Ф. Катанов писал: «По предложению нынешнего письмоводителя Аскизской Степной Думы К. Г. Терского, я воспользовался 4 октября 1889 г. интересными статистическими данными Думы

за 1888 г. Из этих данных видно, между прочим 1) род преобладающих занятий каждого из улусов; 2) название речки, при которой находится то или другой улус; 3) число дворов в каждом улусе; 4) число жителей в улусе (мужчин, женщин); 5) расстояние от села Аскиз до г. Минусинска; 6) количество скота, имеющегося в улусе; 7) количество десятин, засеваемых каждым улусом»¹.

Научное издание

**НАСЛЕДИЕ ХАКАССКОГО УЧЕНОГО, ТЮРКОЛОГА,
ДОКТОРА СРАВНИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ, ВОСТОКОВЕДА
НИКОЛАЯ ФЕДОРОВИЧА КАТАНОВА**

Материалы
Международной научной конференции,
посвященной 150-летию со дня рождения ученого
16–19 мая 2012 г.

Том I

Редакторы:

В. В. Чезыбаева, О. П. Субракова

Компьютерное обеспечение:

Л. Г. Топоева

Подписано в печать 10.05.2012. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печ. л. 18,25.

Тираж 200 экз. Заказ № 7

Макет подготовлен ГБУ РХ «Хакаское книжное издательство»,

655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 75-18н.

Тел./факс: (3902) 24-30-39

